

ЗАМѢТКИ.

РУССКАЯ ЛИРИКА.

И. Н. Розановъ. Русская лирика. Историко-литературные очерки. Изд. «Задруга». М. 1914 г. Ц. 2 р. 50 к.

Книга И. Н. Розанова заслуживаетъ вниманія, потому что написана вдумчиво и съ любовью къ дѣлу. У насъ не такъ много хорошихъ изслѣдованій о нашихъ поэтахъ, чтобы пренебрегать такими достоинствами. Кромѣ того, въ книгѣ не мало новаго: собраны любопытныя свѣдѣнія о поэтахъ забытыхъ, почти не читаемыхъ. Наконецъ, въ книгѣ есть интересныя наблюденія и сопоставленія, есть мѣлкія и вѣрныя характеристики и т. д.

Поспѣшимъ, однако, оговориться, что мы видимъ въ книгѣ И. Розанова и крупныя недочеты, на которые, прежде всего, и укажемъ. Авторъ соединилъ въ своей книгѣ рядъ очерковъ о нашихъ поэтахъ XVIII вѣка, отъ Василія Петрова до В. Жуковского, Ив. Козлова, Д. Давыдова. Но очерки не равны ни по размѣру, ни по своему значенію. Иные поэты охарактеризованы съ чрезмѣрной краткостью (Петрову и Хераскову, напр., посвящено всего по двѣ страницы); другіе—разобраны гораздо подробнѣе (есть очерки по 32 страницы). Нѣкоторыя характеристики стараются установить новую точку зрѣнія; другіе, въ сущности, повторяютъ давно сказанное. Еще важнѣе, что у автора нѣтъ единого метода. Иногда И. Розановъ разсматриваетъ зависимость даннаго поэта отъ общественныхъ теченій эпохи; иногда, совершенно пренебрегая этимъ, анализируетъ исключительно художественное значеніе стиховъ; иногда становится на узко-эстетическую точку зрѣнія и все вниманіе посвящаетъ внѣшней формѣ произведеній,—стиху, размѣрамъ, ритму, риму. Скольکو-нибудь цѣльной «исторіи русской лирики» такимъ образомъ не получается. Преемственная связь между отдѣльными поколѣніями поэтовъ и отношенія литературныхъ группъ выяснены въ работѣ И. Розанова слабо. Наконецъ, написана книга очень неровно: мѣстами авторъ даетъ сжатые и красивые афоризмы; мѣстами—языкъ неопозволительно небреженъ.

На книгу И. Розанова должно смотрѣть, какъ на сборникъ разнородныхъ статей; тогда можно будетъ сказать, что отдѣльныя части ея представляютъ большую цѣнность. Историко-литературное значеніе имѣютъ очерки, посвященные «второстепеннымъ» и «третьестепеннымъ» поэтамъ XVIII вѣка. И. Розановъ впервые подвергъ анализу творчество ряда авторовъ, на которыхъ до сихъ поръ историки литературы обращали мало вниманія, но которые, несомнѣнно, сыграли свою роль въ общей литературной эволюціи. Таковы статьи: «Гражданская поэзія начала XIX вѣка» (Василій Попугаевъ, Ив. Пнинъ и др.), «Отверженные» («поэты-шишковисты», С. Бобровъ, кн. С. Шихматовъ,

замѣтки о П. Межаковѣ, Г. Каменевѣ, В. Олинѣ и др.). Но оцѣнивать научное значеніе этихъ статей мы предоставимъ другимъ. Чтобы напомнить о забытомъ писателѣ, достаточнo съ нѣкоторымъ усердіемъ порыться въ бібліотекахъ. Мы же хотимъ обратить вниманіе на другія достоинства книги И. Розанова, которыми она выгодно отличается отъ аналогичныхъ съ нею изслѣдованій.

Въ наши дни понемногу начинается проникать въ сознаніе всѣхъ та истина, что исторія поэзіи есть, въ сущности, исторія ея формъ. Форма въ поэзіи есть то, чѣмъ она существенно отличается отъ всѣхъ другихъ созданій человеческого духа. То, что называють въ поэзіи содержаниемъ, можетъ быть выражено и прозой и въ созданіяхъ пластическихъ искусствъ. Только поэтическая форма является специфическимъ свойствомъ поэзіи а не что-либо другое. Поэтому только исторія поэтическихъ формъ и поэтической формы можетъ дать истинную исторію поэзіи. До сихъ поръ въ этомъ направленіи сдѣлано еще очень мало. Изслѣдованія едва начинаются. Мы еще не изучили стихотворной техники нашихъ величайшихъ поэтовъ, даже Пушкина. Не выработаны еще и методы такихъ изслѣдованій. Какъ одна изъ первыхъ попытокъ проложитъ пути въ этой области, которой предстоить величайшее будущее, намъ особенно и дорога книга И. Розанова. Попытка, какъ мы уже говорили, лишена систематичности; авторъ дѣлаетъ лишь рядъ случайныхъ и бѣглыхъ наблюденій, ему порою не достаетъ просто спеціальныхъ знаній, онъ не вполне ясно представляетъ себѣ сущность русской метрики и ритмики,—но все же, подобно тѣмъ пионерамъ, которые первыми пришли въ Калифорнію, онъ находитъ цѣльные золотые слитки, валяющимися по берегамъ рѣкъ и ручьевъ.

Такъ, въ рядѣ очерковъ, И. Розановъ слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ метровъ и ритмовъ у русскихъ поэтовъ. Онъ отмѣчаетъ сложныя построенія строфъ у Сумарокова; выясняетъ, что многостопный хорей (5 и 6 стопный) былъ разработанъ уже Мерзляковымъ; показываетъ попытки писать стихомъ, основаннымъ на однихъ удареніяхъ (какъ, въ наши дни, нерѣдко пишетъ А. Блокъ) уже у Державина и рассказываетъ споръ по этому вопросу Державина съ Капнистомъ. У Жуковского И. Розановъ отмѣчаетъ рядъ метрическихъ и ритмическихъ нововведеній; впервые (если не ошибаемся) выясняетъ метрическую оригинальность стихотворенія «Имя гдѣ для тебя?» *); указываетъ, какъ естественно въ стихотвореніи «Ты предо мною...» 2-стопные ямбы переходятъ въ 2-стопные дактили (ср. у Пушкина «Гдѣ наша роза...»); какъ, столь же естественно, 4-стопные амфибрахія разлагаются на 2-стопные стихи и т. д. Эти и подобныя наблюденія позволяютъ намъ прослѣдить жизнь русскаго стиха, его постепенную эволюцію отъ формъ простѣйшихъ къ наиболѣе сложнымъ. Когда такимъ образомъ, но уже систематически, будутъ изучены всѣ русскіе поэты, исторія поэзіи получитъ возможность основываться свои выводы не на субъективныхъ воспріятіяхъ критика, но на безспорныхъ фактахъ, и, широко пользуясь статистическимъ методомъ, перейдетъ въ разрядъ наукъ точныхъ.

Можетъ быть, еще болѣе любопытны наблюденія И. Розанова надъ лексикой поэтовъ. Авторъ отмѣчаетъ, напр., любовь Жуковского къ суффиксу «тель», и въ существительныхъ и въ прилагательныхъ; (у него и Терсиль въ «Торжествѣ Побѣдителей» названъ «презрительнымъ», а не «презрѣннымъ»); пристрастіе того же Жуковского къ формамъ съ отрицаніемъ, чѣмъ достигается нѣкоторая неопредѣленность выраженій: «ночь безненастна была», «безгласный» вмѣсто «нѣмой» и т. под.; употребленіе имъ при-

*) Лично мы въ каждой (3-стишной) строфѣ этого стихотворенія видимъ гекзаметрическую строку сопровождаемую 3-стопнымъ дактилемъ. Этимъ объясняется и кажущееся нарушеніе размѣра въ 3-ей строфѣ.

лагательныхъ въ среднемъ родѣ въ смыслѣ отвлеченныхъ существительныхъ: «печальное вздыхало», «эоирное памъ вѣсть», «невидимое дышитъ», «зримо стало незримое», и т. под. И. Розановъ подмѣтилъ еще, что Жуковскій любилъ глаголь «шептаѣ». Не толькo самъ онъ слышитъ, какъ кто-то «шепнулъ дупѣ привѣсть бывалый», но и Кассандра вперяетъ взоръ, «внявъ шепнувшимъ ей богамъ». Этопъ послѣдній стихъ даетъ поводъ И. Розанову для остроумнаго сопоставленія. «Отъ громкой лирики,—пишетъ онъ,—особенно оглушительной у Боброва, у котораго «бѣгутъ вѣковъ колеса съ шумомъ», поэзія спустилась до интимнаго шопота, и даже боги шеперъ зашептали.»

Любопытныя замѣчанія разсѣяны въ книгѣ И. Розанова и относительно рюмъ нашихъ поэтовъ, и относительно словесной инструментарки ихъ стиховъ.

Мы должны повторитъ, что, къ сожалѣнію, всѣ эти наблюденія не систематизированы. Поэтому и мы лишены возможности сдѣлать общую ихъ характеристику: пришлось бы просто выписывать отдѣльные примѣры, приводимые авторомъ. Но самый фактъ, что И. Розановъ обратилъ вниманіе на эпю сторону дѣла, подвергъ серьезному анализу форму стиховъ и сопоставилъ поэтическую технику отдѣльныхъ поэтовъ,—очень цѣненъ. Этимъ работа И. Розанова рѣшительно выдѣляется изъ числа другихъ историко-литературныхъ изслѣдованій, которыя, по болъшей части, не даютъ намъ ничего, кромѣ данныхъ біографическихъ и историческихъ, что можно было бы назвать научными фактами. Такъ называемыя характеристики поэтовъ, которыми заполнены наши исторіи литературы, мы никакъ не можемъ признавать научными, хотя они и могутъ быть весьма интересны: пакъ не образуютъ исторіи рядъ характеристикъ историческихъ дѣятелей.

Валерій Брюсовъ.

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА.

Размышленія по поводу.

Въ поэзіи слово—все; въ прозѣ (художественной) слово—только средство. Поэзія творитъ изъ словъ, создающихъ образы и выражающихъ мысли; проза (художественная)—изъ образовъ и мыслей, выраженныхъ словами. Если авторъ достигаетъ своей цѣли, подчинивъ себѣ стихію слова, его созданія—поэзія, хотя бы они и были написаны—прозой п.-е. не стихами (таковы инныя «сказки» Эдгара По, многія «поэмы въ прозѣ» Бодлера и т. под.). Если конечная цѣль автора достигнута силою образовъ, энергіей выраженій, ясностью и точностью мысли, его созданія—проза, хотя бы они и были написаны стихами, разбренными строчками съ рюмами или безъ оныхъ (примѣръ: весьма многія стихотворенія, часто вовсе не «плохія»). Оживленное слово—вопъ результатъ творчества поэта; оживитъ слово—вопъ его задача.

Выраженія «поэзія» и «проза» отъ долгаго употребленія утратили опредѣленность своихъ очертаній, п.-е. не покрываютъ вполне опредѣленныхъ понятій. Въ смыслѣ широко, «поэзія»—всѣ созданія искусства, выраженыя словомъ. Тогда и романъ, напр., «Война